

РОССИЙСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

*В.Б. ПАСТУХОВ***Россия в поисках “нового времени”****(Циклы российской власти)**

В статье анализируется история становления и развития российской государственности как процесс, параллельный европейскому. Выявляется специфическая роль особых форм, связанных с общиной, вотчиной, земством, дворянством. Показана особая функция российской бюрократии в развитии государственности.

Ключевые слова: российская история, государственность, община, вотчина, земство, дворянское государство, бюрократия.

In article the history of formation and development of the Russian statehood as the process parallel to the European is analyzed. The specific role of the special forms connected with community, ancestral lands, zemstvo, nobility comes to light. Special function of the Russian bureaucracy in statehood development is shown.

Keywords: the Russian history, statehood, a community, ancestral lands, zemstvo, the state of noble family, bureaucracy

“Все счастливые семьи похожи друг на друга,
Каждая несчастная семья несчастлива по-своему”.

Л. Толстой

Русским всегда было свойственно особенно остро ощущать неповторимость своей исторической судьбы, уникальность своего социального опыта и непохожесть своего государства ни на какие известные человечеству образцы. И в некотором смысле инстинкт их не обманывал: государство, созданное в России, реально ни на что не похоже. Спорить можно о том, нужно ли этим гордиться или надо об этом сожалеть, но отрицать сам факт сложно, особенно сегодня.

В целом естественно, что государственность, развившаяся в особой культурной среде, выглядит весьма специфично и мало похожа как на европейские, так и, тем более, на азиатские образцы. А то, что “русская среда” особая, практически не вызывает сомнений. “Алогизм русской власти” – лишь следствие “алогизма русской культуры”, которая возникла и развилась в условиях, в общем-то не дававших надежд на какой-нибудь мало-мальски значимый “цивилизационный успех”. Тем неожиданнее было увидеть на этом месте огромную Империю, одно время державшую в напряжении полсвета. Не удивительно, что культура, которая смогла плодоносить на столь скудной почве, отличается уникальными характеристиками.

Пастухов Владимир Борисович – доктор политических наук, кандидат юридических наук, директор Института права и публичной политики, советник Председателя Конституционного суда РФ.

Поэтому-то предпосылки развития российской государственности принципиально иные, чем где-либо в Европе или в Азии. В Европе государство развивалось *параллельно с развитием общества*. В Азии государство *заменило собой несуществующее общество*. В России государство *восполняло собой недоразвитое общество*. В Европе государственность, развивающаяся вместе с обществом, проходит путь от *государства-класса* через *сословно-представительное государство* к *государству-бюрократии* в его различных проявлениях и затем к *государству-нации*. В России государственность, вырастающая из некоего подобия обществу, проходит, соответственно, путь от *государства-вотчины* (“протогосударства”), через *земское царство* к *дворянскому государству* и затем к *самодержавной империи*. Ни одна из “русских” ипостасей государственности не имеет полностью соответствующих ей аналогов ни в “западной”, ни в “восточной” политических практиках.

Русская община как уникальное основание русской государственности

В основании русской государственности лежит не имеющее аналогов в других культурах явление – русская община. Ее уникальность в том, что она “застряла в истории”. То, что в других культурах было мимолетным, временным состоянием, в России превратилось в фундаментальное основание цивилизации. Недаром в России любят повторять, что не бывает ничего более постоянного, чем временные решения.

Собственно социальные отношения хоть и вырастают из “естественных” (патриархально-родовых), но являются в определенной мере их противоположностью и отрицанием. Развитие цивилизации неизбежно связано с вытеснением “естественного” “социальным”. Процесс этот в разных культурах может происходить по-разному: как *вытеснение*, как *соединение* или, например, как *восполнение*.

Принято считать, что “естественные” (патриархально-родовые) отношения не вытеснялись в России так быстро и полно социальными отношениями, как в Европе, а еще долгое время продолжали оказывать влияние на характер общественного развития (и, видимо, продолжают оказывать это влияние, в той или иной степени, до сих пор). В то же время, влияние “естественных” (патриархально-родовых) отношений не имело в России того определяющего, абсолютного значения для развития культуры, как в Азии, где социальные отношения скорее вписывались в существующие патриархальные устои, чем вытесняли их. Поэтому в России так и не сложилась стройная система социальных отношений, способная развиваться целиком из собственной основы, хотя патриархальные устои русской жизни и были со временем расшатаны. Свободомыслие в России всегда парадоксальным образом сочеталось с вопиющими пережитками патриархального сознания.

Первоосновой социальности в России выступает не общество, а *община*. Многие великие исследователи прошлого отмечали ее гипертрофированное влияние на общественную и государственную жизнь в качестве главной особенности русского пути в истории и, по всей видимости, были правы.

Казалось, это роднит Россию с восточными обществами. Но община в России есть нечто иное, чем, например, на Древнем Востоке, где она тысячелетиями обеспечивала стабильность патриархального уклада жизни. Российская община – это *соседская община*, одна из разновидностей славянской общины-задруги – промежуточной стадии развития социальных отношений. В зависимости от обстоятельств она обладала большей или меньшей устойчивостью.

Специфика славянского мира вообще и России в частности состоит, видимо, не в самом историческом факте существования соседской общины. Через подобную стадию развития, так или иначе, проходили, как минимум, все европейские народы. Славянский мир поразил уникальным долгожительством этой общины, тем, что формирование социальных отношений на достаточно длительное время “застряло” на данном – переходном по своей сути – этапе.

Славянская община есть своего рода продукт полураспада естественных отношений. Но так же, как и радиоактивные изотопы различаются между собой периодами полураспада, “продукты полураспада естественных родовых отношений” отличаются друг от друга временем жизни. Российская община обладала особой устойчивостью. Она постоянно воспроизводила себя в своей странной полупатриархальной, полусоциальной форме, не сдвигаясь в течение веков ни в одну, ни в другую сторону.

Россия – страна “общественного долгостроя”. Общинный уклад в России есть незавершенная система социальных отношений, своего рода “*протообщество*”. В нем естественные (традиционные) силы и связи уже не господствуют безраздельно, но при этом чисто социальные механизмы еще не заработали в полную силу. Развитие “протообщества” значительно отличается от развития общества. В то же время “протообщество” далеко отстоит и от общины азиатского типа, где социальные отношения исподволь вписываются в естественные отношения, унаследованные от предков, вместо того, чтобы вытеснять их.

В Европе “протообщество” оказалось историческим мигом в развитии социальности. Социальные отношения между членами соседской общины достаточно быстро разложили и вытеснили традиционные, естественные отношения. Довольно рано на историческую арену здесь выступила семья как самостоятельная общественная ячейка, что привело к возникновению частной собственности, а затем и государства. Однако этот описанный Ф. Энгельсом алгоритм есть исключительно путь формирования европейского общества и государства. В России все выглядело иначе.

Нередко Россию воспринимают как “азиатское” общество. Но и в этом случае при ближайшем рассмотрении очевидны весьма существенные различия. В Азии община все время остается *естественным* образованием, частью природы. В России она полустественное – полусоциальное образование. Это как бы “несложившееся” общество, предвестник более развитых социальных отношений.

В российской общине социальные и естественные отношения между членами сосуществуют на равных, конкурируя между собой, вместо того чтобы дополнять друг друга, как это происходит в азиатской общине. Именно в специфической половинчатости отношений внутри русской общины кроется глубинная причина русского раскола. В “общинной” России не могло сложиться единого общества, как и не мог появиться полностью эмансипированный индивид, зато возникло бесчисленное количество маленьких социальных островков, тяготевших к сплочению и не успевавших сложиться в органичное целое.

Внутри русской общины человек был уже в достаточной степени “социализирован”, обладал частично автономной “индивидуальной” волей и в то же время находился под гнетом традиции. “Социальное” и “естественное” начала парадоксальным образом уживались в русской душе, ведя вечную борьбу между собой, но никогда не одерживая окончательной победы.

“Восточная” община неподвижна и напоминает инертный газ. В России же община – скорее радиоактивный изотоп. Общественная жизнь здесь напоминала беспрерывный поток альфа-распадов, социальных “микровзрывов”, во время которых община из своего ядра частицами исторгает автономных индивидов.

Устойчивость общины в России – фасад, за которым интенсивно развивался процесс индивидуализации общественной жизни, что сближает ее с европейским институтом общины. Однако, в отличие от Европы, он здесь никогда не был последовательным.

“Вотчинное государство” как первая политическая форма бытия русской общины

Покончив с предысторией, российское государство появляется на свет Божий как Московское царство. Его первой исторической формой было “вотчинное государство” как своего рода *протогосударство*, которое возникает из *протообщества*, то есть сообщества русских общин.

Историческая роль русской общины стала “притчей во языцех”. Считается, что, среди прочего, устойчивость общинных отношений и, одновременно, их половинчатость и противоречивость оказали решающее воздействие на становление российской государственности. На общинной почве в России возник феномен вечного *государства-подростка*, который и состарившись не может повзрослеть.

Вотчинное государство – даже еще и не государство вовсе, а лишь его эмбрион. Оно застряло где-то между былинной (героической) эпохой и государством-классом. Впрочем, каждая государственность проходила в своем развитии “эмбриональный период”, когда закладывался ее фундамент. Но не каждое государство проделало всю дальнейшую эволюцию, оставаясь в “позе эмбриона”.

“Недоношенность” стала для российской государственности естественной формой бытия. Русское государство за свою более чем тысячелетнюю историю так и не разорвало пуповину, связывающую его с архаичным обществом. Слитность, внутренняя недифференцированность общества и государства в России в той или иной степени сохранилась и по сей день. Следствием этого, по всей видимости, является и такое хорошо известное свойство русской власти, как ее неотделимость от собственности.

Вотчинное протогосударство не обладало той самостоятельностью по отношению к обществу, которая присуща европейскому государству-классу. Но оно и не было лишь оболочкой архаичного общества, как азиатское государство. По крайней мере, в России всегда был хотя бы один свободный человек – государь. Его личная эмансипация от традиционных отношений стала предвестником грядущей эмансипации всей России.

В России государственность возникает как особое *общественно-государственное образование*. Поэтому я определил бы “протогосударство” как стабилизацию одной из промежуточных форм становления государства, уже обособившегося от общества, но еще не противопоставившего себя ему. Логично было бы предположить, что появившееся в России “государство-полуфабрикат” должно было стремиться как можно скорее прийти до стадии “готового продукта”. То есть “протогосударство” сначала превратилось бы в “нормальное” государство-класс (по европейскому стандарту), а затем прошло бы свершенный ранее Европой путь.

Однако на самом деле этот “государственный полуфабрикат” начинает самостоятельную историческую эволюцию, прокладывая собственный маршрут к современному государству. Его путь в силу действия массы объективных и субъективных факторов оказался, как известно нам сейчас, гораздо труднее европейского: государство российское буквально продиралось “наверх” к своей высшей форме сквозь “заросли” исторических обстоятельств.

В этом *самостоятельном, но асинхронно параллельном* Европе историческом развитии и заключена тайна российской государственности. Ее эволюция проходит через те же ступени, что и государство европейское. Однако в том, как именно проявляла себя сущность государства на каждой из этих ступеней, каждый раз обнаруживала себя *недозрелость* соответствующих форм российского общества.

Специфическое движение России к современному государству можно сравнить с развитием изначально ослабленного ребенка, долгие годы догоняющего сверстников, прежде чем, встав взрослым, уравнивается с ними в силах, способностях и возможностях (что, впрочем, не всегда случается). Вместе с тем в предпосылках развития нашей государственности заключено и основное противоречие этого процесса, определившее как судьбу российского государства, так и его облик. Это – противоречие между непреодоленным до конца архаичным *единством* государства и общества и постоянно усиливающимся *обособлением* их друг от друга. Уникальность ситуации состоит в том, что российское государство в процессе эволюции все дальше и дальше отдалается от общества, подобно европейскому, оставаясь при этом тождественным обществу, подобно азиатскому.

“Земское государство” как русская версия европейской сословно-представительной монархии

В период расцвета Московского царства вотчинное государство преобразуется в государство земское. В нем власть государя осуществляется с участием земского собора и боярской думы. Но главное, что отличает земское государство, – достаточно развитая военная и гражданская бюрократия (приказы, стрельцы, и т.д.), которая, однако, еще не оформилась до конца в какой-то особый класс и находилась под контролем вотчинной земельной аристократии. Расцвет этого государства приходится на время правления Ивана III.

Место “земского государства” в “линейке” сменяющих друг друга государственных форм российской власти как бы соответствует месту между государством-классом и сословно-представительной монархией в “эволюционной цепочке” форм европейской государственности. При этом оно напоминает сразу и Европу, и Азию, не являясь тем не менее ни тем, ни другим.

Внешне российское государство, конечно, выглядело, как восточная деспотия. “Внутренний быт России, – пишет К. Кавелин, – представлял собою округленное и законченное целое. Московское государство было азиатской монархией в полном смысле слова” [Кавелин, 1989, с. 229]. Это было царство, в котором государь был полным *хозяином* страны. Но при более детальном рассмотрении это сходство оказывается весьма поверхностным.

Если довериться Г. Гегелю, следует признать, что “принципом восточного мира является субстанциональность нравственного начала. Это первое преодоление произвола, который утопает в этой субстанциональности. Нравственные определения выражены как законы, но так, что субъективная воля подчинена законам как внешней силе, что нет ничего внутреннего, нет ни убеждений, ни совести, ни формальной свободы, и поэтому законы соблюдаются лишь внешним образом и существуют лишь как право принуждения... В общем государственное устройство представляет собой теократию, и царство Божие также является и мирским царством, как и мирское царство не менее того является божественным” [Гегель, 1993, с. 154].

Мы часто говорим о России как о европейской по форме и азиатской по сути стране. Но в такой же степени к ней применимо и противоположное определение – азиатская по форме и европейская по сути. Все зависит от угла зрения. Достаточно бегло взглянуть на русскую историю XV–XVI вв. под этим углом зрения, чтобы стало ясно, какой глубокий разлом отделяет Россию от восточного мира. Везде мы находим признаки существования нравственной оценки, субъективной воли с присущими ей убеждениями, совестью и формальной свободой. Российская государственность была сформирована преимущественно в рамках христианской парадигмы, пусть и искаженной азиатскими предрассудками.

Земское государство только снаружи кажется устойчивым и неподвижным. На самом деле это спящий вулкан человеческих страстей. Земское государство никогда, ни при каких обстоятельствах не смогло бы просуществовать тысячелетиями в неизменной форме наподобие древних восточных деспотий, даже без всякого внешнего вмешательства. Маховик нравственных исканий и связанного с ними индивидуально-го освоения исторического опыта был давно запущен. Поэтому “трест” был обречен рано или поздно лопнуть от внутреннего напряжения.

Внутренний вектор эволюции земского государства был задан поступательным развертыванием индивидуализации в русском обществе, формированием самосознания отдельного человека, накоплением во всех сферах общественной жизни автономных элементов, приносящих в политическую жизнь все больше субъективности. Однако индивидуализация в общественной жизни России – процесс заведомо непростой. Во-первых, одновременно она разворачивалась в двух плоскостях (уровнях). Поскольку российское общество так никогда и не сложилось как целостная система и представляло собой совокупность огромного количества достаточно замкнутых об-

щин, процесс индивидуализации шел как на уровне отдельной общины (микросоциуме), так и на уровне всей их совокупности в целом (макросоциуме).

Во-вторых, индивидуализация в России носила *дискретный* характер. Процесс индивидуализации не был плавным и равномерным, как в Европе. Время от времени происходили своеобразные “залповые” выбросы “индивидуальной энергии”. На протяжении всей истории России можно легко обнаружить чередование периодов интенсивного и замедленного роста “субъективного элемента”.

В-третьих, общество стремилось вытеснить продукты индивидуализации за свои пределы. “Независимые агенты” не столько накапливались внутри русского общества, видоизменяя его, сколько выталкивались из него и уже вовне образовывали свое “параллельное общество”. (Эта черта сохранилась в некоторой извращенной форме до сих пор, в виде эмиграции наиболее активного контингента из России и оседания его в Европе.) Поэтому, с одной стороны, в то время, как в Европе индивидуализация и персонализация социальной жизни приводили к ослаблению традиций, в России традиционные структуры, изгоняя из себя “индивидуалистов”, замыкались в себе, консервировались и становились еще более агрессивными.

В-четвертых, процесс индивидуализации был односторонним. Его итогом был полуфабрикат. Русский человек, которому предстояло стать строительным материалом для новой эпохи, отличался редкостной *односторонностью*. Перерезав пуповину, связывающую его с архаичным обществом, он так и не стал полноценной личностью. Активные элементы “вылетали” из общинного уклада русской жизни, как снаряд из пушки, быстро и жадно усваивая негативное отношение к традиционному обществу с его сковывающими индивидуальную волю условностями, но не развивая в себе никаких навыков и саморегуляции, и самоорганизации.

Когда внутри русского общества скопилось слишком большое количество “изгнанных”, то есть независимо (хотя и односторонне) мыслящих людей, “земское государство” оказалось не способным управлять их бешеной энергией. Оно по инерции продолжало выталкивать их из себя, но при этом они никуда на самом деле не исчезали, оставаясь частью русского общества. Это подспудно подготавливало кризис “земского государства”.

Вот как описывает этот процесс С. Соловьев: “Широкие степи... стали привольем казаков, – людей, не хотевших в поте лица есть хлеб свой, – людей, которым по их природе, по обилию физических сил было тесно на городской и сельской улице” [Соловьев, 1989, с. 136]. Власти достаточно было проявить малейшую слабость, чтобы “вольные люди” сотрясли государство до основания.

До поры до времени это растущее напряжение не бросалось в глаза. Более того, власть приспособилась использовать казаков в своих интересах. Но со времен Ивана Грозного субъективное начало в русской истории заявляет о себе во весь голос. Революция, которую произвел Иван Грозный, – одна из важнейших точек бифуркации в российской истории. Итогом его бурной деятельности стало приобретение русской властью двух “сквозных” свойств, переживших века. Во-первых, он заложил основы “номенклатуры”, то есть стал превращать бюрократию в особый привилегированный орден, обладающий рентными правами. Во-вторых, он разделил власть на “внешнюю” (институциональную) и “внутреннюю” (внеинституциональную). И то и другое родилось в огне опричнины. Тем самым Иван Грозный взорвал фундамент “земской государственности”, хотя окончательно ее здание рухнуло уже после его смерти¹.

Искусственная стабильность, достигавшаяся путем удаления “антигосударственных” (чересчур независимых) элементов из центра на периферию, не могла быть вечной. Как справедливо отмечает Соловьев: “Образовалась противоположность между

¹ В “экспериментах” Ивана Грозного мы можем увидеть в зародыше практически все будущие свойства русской власти (разделение власти на “внешнюю” и “внутреннюю”, оформление бюрократии в автономный, “правящий” класс и др.). Иван Грозный заложил “теоретические основы” самодержавия, Петр Великий воплотил эту идею на практике.

земским человеком, который трудился, и казаком, который гулял, противоположность, которая необходимо должна была вызвать столкновение, борьбу. Эта борьба разыгралась в высшей степени в начале XVII века в так называемое Смутное время, когда казаки из степей своих под знаменами самозванцев явились в государственные области и страшно опустошили их, — они явились для земских людей свирепее поляков и немцев” [Соловьев, 1989, с. 436].

Одним из очевидных следствий реформ Ивана Грозного стало окончательное оформление дворянства — русской бюрократии как еще одного особого земледельческого класса, конкурирующего с родовой земельной аристократией (при этом не имеет значения, что дворянство формировалось преимущественно за счет этой же самой старой аристократии).

В условиях, когда критически выросли масса и мощь казачества (тех самых “независимых элементов”, которые уже покинули традиционное общество), конфликт между дворянством и старой вотчинной аристократией сыграл роль детонатора Смутного времени — одного из самых тяжелых в истории России политических кризисов. Россия вошла в Смуту *земским*, а вышла из нее *дворянским* государством. Гражданская война если и не привела к исчезновению старой аристократии и казачества, то навсегда подорвала силы как первых, так и вторых. Проиграли в этой войне все, но меньше всех проиграло государство. Шаг за шагом русское государство становилось государством дворян, то есть государством *самодовлеющей и самодостаточной бюрократии* (каким, как иногда кажется, остается до сих пор).

Дворянское государство как государство победившей бюрократии

В XVII в. в России стремительно произошли взлет и падение “дворянского государства”. Расположившись между двумя великими революциями (Ивана Грозного и Петра Великого), оно стало соединительной тканью между Московским царством и Российской империей. Роль и значение “дворянского государства” как особой формы в эволюции российской государственности до сих пор до конца не прояснены.

Видимость в России, как нигде, обманчива. Вот и дворянство, “белая кость”, на самом деле имеет мало общего с европейской аристократией, но зато у него много общего с европейской бюрократией. Русское дворянство — это бюрократия, возведенная в ранг аристократии, своего рода “вторичная аристократия” (отсюда, кстати, и “вторичное крепостничество”). Дворянское государство — своего рода редукция к “государству-классу”, потому что в России бюрократия превращается в особое привилегированное сословие, да еще и наделенное правом владеть землей и крестьянами. Но одновременно это и движение вперед к бюрократическому государству, в котором власть осуществляется профессиональным сословием управленцев. Ибо дворянство — служивое сословие: кто не служит, то и не ест².

Русское дворянство возникло в недрах земского государства, а само *дворянское государство* стало логичной ступенью в эволюции форм российской государственности. Но просуществовало оно очень недолго, быстро уступив место самодержавной Империи. Дворянское государство затерялось между Царством и Империей как что-то несущественное. Тем не менее оно было очень важным историческим звеном, без которого невозможно понять логику развития российской государственности в целом. Кстати, то же самое можно сказать и о “советской государственности”³.

Дворянское государство было бюрократическим компромиссом между консерватизмом патриархальной общины и необузданностью новоиспеченной индивидуальности.

²Россия в очередной раз наглядно продемонстрировала свою способность двигаться вперед, шагая назад. В терминах сегодняшнего дня это можно было бы назвать “архаической модернизацией”.

³Дворянское государство существовало чуть меньше, чем сотню лет (от окончания Смутного времени до Петровской империи), то есть приблизительно столько же, сколько и “советская власть” три века спустя.

сти. Оно возникло в ответ на вызов со стороны новой культуры, подспудно вызревшей в недрах сонного царства. С одной стороны, в России зарождалась индивидуалистическая культура. Имела она, правда, односторонний и деформированный характер. Русские люди вместо полноценного самосознания обладали смутным ощущением потребности в таковом. Чтобы прикрыть “наготу” разума, они были вынуждены “примерять на себя” чужое самосознание. Источник *займствования* как тогда, так и теперь был один – Европа (искать самосознание в Азии – пустое занятие). Европеизм был долгое время исторически неизбежной и единственно возможной формой существования русского индивидуального сознания. На протяжении многих веков “европеизм”, зависимость от европейской культуры, были его “навязчивой идеей”.

С другой стороны, в России в это время буквально на глазах стала ослабевать “основа русской цивилизации” – община. Она постепенно теряла значение хранительницы традиций и носительницы нравственного начала. С выходом из нее наиболее активных элементов (прежде всего, за счет “исхода” в казаки), последнюю покидала энергия жизни. Однако, община не растворилась в историческом небытии, как в Европе, а продолжила свое консервативное существование по инерции. Община в это время была уже не столько социальным феноменом, сколько социальным призраком, формой, утратившей свое содержание.

Последующие века породили миф об устойчивости и благотворной силе русской общины как уникального явления мировой истории. Почти вся русская историософия строилась либо на поддержке этого мифа, либо на его оспаривании. В связи с этим, с сожалением следует констатировать не только то, что в русской общине не было ничего уникального, кроме того, что ее распад растянулся на многие столетия (почти все развитые европейские народы “проскакивали” эту стадию развития, только быстрее), но и то, что в самой России эта “уникальная социальная ячейка” довольно быстро исчерпала свой потенциал.

Уже в XVI в. русское общество столкнулось со сложнейшей дилеммой: естественный регулятор общественной жизни (в виде общины) уже не работал, а социальный регулятор, в основе которого лежит развитое самосознание индивида, еще не работал. Образовался своеобразный культурный вакуум. Традиционная культура уже не могла обеспечивать полноценное развитие русского общества, потому что лишилась напроочь своей “энергетики”, а зарождающаяся индивидуалистическая культура еще не была способна это сделать в силу своей однобокости и иррациональности.

Вакуум в таком случае заполняется третьей силой. Этой “третьей силой” в России было государство. Поэтому реакцией на возникшую угрозу культурного раскола стало *поглощение русским государством общины, а вместе с ней и всего общества*. Государство быстро нашло применение ослабевшей общине: оно приспособило эту утратившую содержание, но существующую по инерции форму для своих нужд. *Поземельная* община незаметно вырождалась в *административную*. “Государству невозможно иметь дело непосредственно с каждым из податных людей в отдельности, – писал Кавелин, – и оно поручает это общинам, возлагает на них надзор за каждым из своих членов” [Кавелин, 1989, с. 229].

Постепенно община из основы традиционного общества превращалась в первичную ячейку воссоздаваемого российского государства, в его главный “финансово-административный орган”. (Именно это превращение лежит в основе так называемого вторичного крепостничества. Таким “огосударствлением” объясняется и вся последующая уникальная живучесть русской общины.) Таким образом, “архаика” была не устранена, а заложена в фундамент новой государственности. Видимо, как и в живой природе, в процессе эволюции социум приспосабливает под свои нужды тот материал, который наиболее доступен и находится под рукой. В России “под рукой” эволюции русской государственности находились обломки соседской общины, стремительно терявшей свое бывшее значение. Их и использовали в качестве строительного материала истории.

Таким образом, незаметно произошла трансформация “общественно-государственного образования”, каким было земское государство, в *государственно-общественное образование*, каким стало “дворянское государство”. Вместе с тем была подготовлена и курьезная перемена во внешнем облике русской государственности: то, что казалось азиатским снаружи и европейским внутри, стало казаться европейским снаружи и азиатским внутри.

Поглотив общину, государство получило, наконец, в свое распоряжение то, чего ему так долго не хватало для развития, – *ресурс*, позволявший выделиться в качестве самостоятельного слоя профессиональному государственному аппарату, то есть *бюрократии*. Раздача земель стала натуральной формой выплаты жалованья гражданским и военным чиновникам в государстве, вечно ощущавшем нехватку наличности. Как и в Европе, появление в России бюрократии знаменовало собой качественный скачок в государственном строительстве. Но российская бюрократия оказалась явлением весьма специфическим.

В Европе бюрократия появилась как нечто самостоятельное, “рядом стоящее” с государством-классом. Европейская бюрократия – просто *особый* класс общества, который со всеми складывавшимися внутри общества корпорациями находится в одинаковых отношениях. В России бюрократия – *особый* класс, которому были приданы черты *обычного* класса. Дворянская бюрократия возникает в *превращенной форме* новой земельной аристократии. То есть, будучи по своей сути *особым* общественным классом, находившимся в специфическом положении ко всем другим сословиям и к обществу в целом, дворянство-бюрократия на поверхности явлений выступало как обыкновенный землевладельческий класс, *часть* земельной аристократии. Но аристократизм российского дворянства был ложен, он лишь до времени затемнял его бюрократическую природу⁴.

Поначалу поглощение государством общины и использование последней как ресурсной основы для существования дворянской бюрократии вроде бы укрепили государственность и позволили ему без лишнего шума выйти из катастрофического кризиса Смутного времени. Государство не только не потерялось среди других корпораций, но очень быстро превратилось чуть ли не в единственную реально существующую в России корпорацию.

Это, однако, продолжалось недолго. Стабильность оказалась иллюзорной, потому что противоречия, бывшие до этого чем-то внешним для государства, теперь стали частью его внутренней жизни. Государство поглотило общество со всеми его проблемами, и очень скоро эти проблемы стали его собственными, государственными проблемами. Социальные конфликты стали теперь реализовываться как конфликты между бюрократическими партиями внутри власти. Все это привело к резкому ослаблению, казалось бы, только что преодолевшего все трудности раскола государства. Не успев по-настоящему состояться, дворянское государство быстро пришло к своему финалу.

Самодержавная Империя как бросок в Новое время

Государство-бюрократия в Европе нашло воплощение в абсолютистской монархии. Это было сильное, претендующее на полный контроль над обществом полицейское государство с мощным бюрократическим аппаратом. В России, напротив, государство-бюрократия в своей первоначальной форме дворянского государства оказалось очень слабым, не способным не то что контролировать общество, но даже выстроить собственную внутреннюю “вертикаль власти”. Его институты были разболтаны, аппарат власти громоздок и неэффективен, в целом система управления была невнятна и запутана. Поэтому данный период в развитии русской государственности был недооценен

⁴ Дворянство – предтеча будущей советской номенклатуры. При всем различии между ними, у них есть много общего – и дворянство, и номенклатура были правящим привилегированным сословием.

и зачастую не рассматривался как какой-то особый этап, занявший промежуток между первой и второй Смутами.

Таким образом, не успело дворянское государство стабилизироваться после испытаний Смутного времени, как выяснилось, что оно уже исчерпало себя. Культурные перемены в обществе происходили быстрее, чем государственные формы успевали к ним приспособиться. Из Смутного времени русские вышли людьми иной формации. Только что сформировавшееся государство-бюрократия уже не могло осуществлять свои функции в этой новой для него культурной среде.

В Европе, в целом, в эпоху кризиса абсолютизма можно было наблюдать сходную картину. Новая, индивидуалистическая по своей природе, буржуазная среда, отторгла – через революцию – старый абсолютизм с его самодовлеющей бюрократией и на его месте создала новое государство, в котором та же бюрократия была уже поставлена под контроль общества. Таким образом, бюрократия старого времени была заменена бюрократией Нового времени.

В России же вместо индивидуалистической буржуазной культуры в эпоху, предшествовавшую петровским преобразованиям, возникла некая *полуиндивидуалистическая (промежуточная)* культура, которую Соловьев образно обрисовал следующим образом: “Два обстоятельства вредно действовали на гражданское развитие древнего русского человека: отсутствие образования, выпускавшее его ребенком к общественной деятельности, и продолжительная родовая опека, державшая его в положении несовершеннолетнего, опека, необходимая, впрочем, потому что, во-первых, он был действительно несовершеннолетен, а во-вторых, потому что общество не могло дать ему нравственной опеки. Но легко понять, что продолжительная опека делала его прежде всего робким перед всякою силой, что, впрочем, нисколько не исключало детского своеволия и самодурства” [Соловьев, 1989, с. 346–347].

Русский человек конца XVII в. был натурой сколь необузданной, столь и *несамостоятельной*. Его самосознание находилось в зачаточной стадии оформления. Вырвавшись из тисков традиции, он продолжал нуждаться в нравственной опеке. Однако он уже не мог получить ее ни в семье, ни в общине. Не могло быть и речи о том, чтобы такого рода “полуфабрикат” мог взять на себя исполнение столь сложной миссии, как организация контроля над бюрократией. Он сам нуждался в опеке, поэтому в России процессы стали разворачиваться в противоположном по отношению к европейскому направлению.

Попечительство над “подростковым обществом” взялось обеспечить государство. Но старое дворянское государство не было способно ни на какой патернализм. Дворянство было не столько “классом в себе”, сколько “классом для себя”, и это мешало ему стать “классом для других”. Чтобы выполнять патерналистские функции, государство само нуждалось в преобразовании, которое и не заставило себя ждать.

Таким образом, противоречие, обнаружившееся в российском обществе на рубеже XVII–XVIII вв., принципиально отличалось от противоречия, обнаружившегося несколько ранее в Европе. Там сильное, всепроникающее государство-бюрократия вошло в противоречие с развитой, самостоятельной и стремящейся к свободе личностью. Здесь же слабое, малоподвижное, опутанное предрассудками государство оказалось не способным взять на себя функции нравственной опеки над “полуразвитым”, зависимым и нуждавшимся в попечительстве индивидом. Если в Европе кризис государства проявился в избытке силы бюрократии, то в России обнаружился ее “дефицит”⁵.

Соответственно, различались между собой способы разрешения противоречия. В Европе бюрократический монстр рухнул непосредственно под натиском общественного движения. В России источником преобразования стал *монарх*, опиравшийся на наиболее “продвинутые” слои дворянства-бюрократии. Русский самодержец стал неким консолидированным представителем общества в делах государства. Он был

⁵ Казалось бы, Россия была обречена. Соединение слабого общества со слабой властью не может преобразоваться во что-то сильное. Оказалось, однако, что может.

един в двух лицах: как собственно государь, реальная историческая фигура, и как воплощение “идеи народного правления”, как носитель народного суверенитета. В этой двойственности и заключена тайна, мистика российского самодержавия. В нем фигура правителя становится сублимацией идеи власти как таковой. В целом можно сказать, что русское самодержавие – своеобразная “представительная демократия”, в которой у народа есть один-единственный представитель – царь.

Таким образом, идея власти оказалась в России оторвана от самой власти, мистифицирована и отождествлена с фигурой верховного правителя. Тем самым власти в России было придано то религиозное значение, которое со временем в Европе получило право. Благодаря этой конструкции Россия и вышла из кризиса, сумев соединить “слабое” со “слабым” в сильное – в Империю нового типа. Если в Европе революция снизу стремилась подчинить бюрократию обществу, то в России революция сверху должна была подчинить ее царю, объективировавшемуся как самостоятельный центр силы. Царь превращался в России, таким образом, в некий “суррогат” нации, ее опосредствование.

Получалось, что Россия сделала в эволюции своей государственности гигантский скачок: созданная Петром I *самодержавная империя* была не чем иным, как превращенной формой европейского *государства-бюрократии Нового времени*. Но сама Россия до этого Времени – в смысле развития общества – еще не доросла.

Российское самодержавие было внутренне противоречивым. Прогресс и просвещение поляризовали общество, вновь обнажив двойственность российской культуры. На одном полюсе обнаружился переизбыток ничем не скованной, в том числе и ответственностью, индивидуальной энергии: в большом количестве появились люди, которым было тесно в рамках устоявшегося уклада жизни. На другом полюсе прочно обосновалась усыхающая община с ее обитателями, успевшая исторгнуть из себя почти всех сколь-нибудь энергичных членов и превратившая пассивность и безынициативность в доминирующий (и, видимо, единственно приемлемый для себя) психологический тип. Депрессия была ее реактивным состоянием, следствием травмы от “агрессии со стороны личности”. Именно это, думается, столетия спустя помешало реализации планов П. Столыпина. Из общины уже нечего было извлекать к тому времени, все давно само утекло.

Таким образом, к концу XVII в. в России сложилась двойственная – *активно-пассивная, агрессивно-послушная*, то есть “между анархическим бунтом и рабской привычкой”, культура. С изнанки эта гетерогенная культура выглядела как смешение европейских и традиционалистских начал. На деле в ней не было ни истинного европеизма, ни подлинного традиционализма. И то и другое было мимикрией, двумя превращенными формами (ликами) единой на самом деле культуры.

В этой культурной среде государство восполняло недостаток личной энергии у одних и обуздывало ее избыток у других – воистину отцовская, патерналистская задача. Таким манером российскому самодержавию удалось соединить в себе черты и государства Людовика, и государства Наполеона, не являясь в действительности ни тем, ни другим. В идее самодержавия странным образом слились тезисы об абсолютности и неограниченности прерогатив самодержца и о служении и ответственности власти перед народом.

Революция в Европе уничтожила старую бюрократию с тем, чтобы поставить на ее место новую. В ходе “революции наоборот” в России Петр I реорганизовал старую бюрократию, то есть дворянство, заставив ее выполнять новые задачи.

Двойственность, свойственная российскому дворянству (как бюрократическому классу и как землевладельческому классу), нашла концентрированное воплощение и в созданной Петром Империи. Самодержавная Россия, будучи по своей природе государством-бюрократией Нового времени, выступала в превращенной форме государства-класса, государства средневековой земельной аристократии. Это странное сочетание свойств обусловило как силу, так и слабость Российской империи.

Оформление вполне современной бюрократии в особый, привилегированный класс, придавало самодержавному государству уникальную устойчивость и обеспе-

чивало его способность длительное время возвышаться над обществом, выполняя “попечительские” (полицейские, по А. Лаппо-Данилевскому) функции в масштабах, немислимых для европейского государства-бюрократии [Лаппо-Данилевский, 1994, с. 182–183]. Российская империя предвосхитила будущие тоталитарные режимы XX в. Скрещивание, казалось бы, несовместимых принципов в основании самодержавной государственности привело к рождению вполне жизнеспособного государственного организма. Но будучи сильным, как мул, это государство оказалось подобно мулу бесплодным – в историческом, разумеется, смысле.

В отличие от европейского государства-бюрократии, преобразованного буржуазной революцией, российское самодержавие *не поддавалось рационализации*. Оно лишь заимствовало некоторые рационалистические идеи, которые могли бы в отдельных случаях повысить эффективность исполнения им своих непростых функций, но в целом оставалось иррациональным феноменом. А значит, оно не могло логично и плавно, без революционных скачков, перейти на более высокую ступень развития и стать государством-нацией.

Поскольку бюрократия в России так никогда и не оформилась окончательно в чистом виде в качестве *особого* класса, а выступало в превращенной форме землевладельческого класса, постольку противоречие между бюрократией и обществом не могло приобрести в рамках самодержавной империи *всеобщего* характера. Это противоречие между бюрократией и обществом также выступает здесь в превращенной форме частного, классового противоречия между дворянством как землевладельческим классом и другими социальными классами.

Рационализация буржуазного государства-бюрократии и превращение его в государство-нацию осуществляется посредством конституционализма. Элементы конституционализма (то есть рационализации государственной жизни) появляются со временем и в России. Но российский конституционализм оказался нацелен не столько на овладение государством, сколько на его отрицание. И это вполне объяснимо, поскольку государство продолжало оставаться частной корпорацией.

Но самое главное состоит в том, что развитие конституционных идей одной частью российского общества не подкреплялось стремлением к самоограничению индивидуального произвола на основе признания права в другой его части, составлявшей подавляющее большинство населения. Возникла парадоксальная ситуация, когда каждый шаг вперед в рационализации российской государственности, являвшийся следствием непрерывного и всевозрастающего давления со стороны более “продвинутого” активного меньшинства, приводил к усилению энтропии, нарастанию произвола со стороны пассивного большинства.

Советская власть как переходная форма к государству эпохи Модерна

Самодержавие, в течение двух веков бывшее гарантом стабильности, оказалось запрограммировано на самоуничтожение еще где-то в середине XIX в. До этого момента развитие Европы и России шло непересекающимися, параллельными курсами. В Европе государство-класс превратилось в сословно-представительную монархию, которая в свою очередь трансформировалась в бюрократический абсолютизм, замененный революцией на государство-бюрократию Нового времени, ставшее со временем государством-нацией. В России на этом же историческом отрезке времени княжеская вотчина была заменена земским царством, из которого развилось дворянское бюрократическое государство, поглощенное, в конце концов, самодержавной империей.

Но на этом рубеже Эвклидова политическая геометрия заканчивается и начинается геометрия Лобачевского. Параллельные прямые европейской и российской государственности временно расходятся в разные стороны. В марте 1848 г. Ф. Тютчев пишет в одном из писем П. Вяземскому: “Очень большое неудобство нашего положения заключается в том, что мы принуждены называть *Европой* то, что никогда не должно бы

иметь другого имени, кроме своего собственного: *Цивилизация*. Вот в чем кроется для нас источник бесконечных заблуждений и неизбежных недоразумений. Вот что искажает наши понятия... Впрочем, я все более и более убеждаюсь, что все, что могло сделать и могло дать нам *мирное подражание* Европе, – все это мы уже получили. Правда, это очень немного. Это не разбило лед, а лишь прикрыло его слоем мха, который довольно хорошо имитирует растительность” [Тютчев, 1986, с. 320].

Мирное, “естественное” преобразование самодержавия в государство-нацию было невозможно, поскольку в России так и не возникло государство-бюрократия в чистом виде. Это и стало непреодолимым препятствием на пути дальнейшей эволюции российской государственности. Между самодержавием и современным государством-нацией должно было появиться еще одно дополнительное звено, некое промежуточное государственное образование, не имеющее аналогов в европейском опыте (поскольку там в нем не было никакой потребности).

Исторической миссией этой “промежуточной” государственности, этого буфера между империей и государством-нацией было становление бюрократии как особого класса, находящегося в особых отношениях со всеми другими классами общества, не прикрывающего себя никакими ложными статусами. Противоположность между бюрократией и обществом из частной проблемы должна была стать всеобщей проблемой, создав, тем самым, предпосылки для той самой рационализации (иначе называемой конституционализмом), которая превращает просто бюрократическое государство в государство-нацию.

Эта особая форма государственности возникла на обломках Российской империи в результате коллапса самодержавия, потерявшего свою механическую устойчивость из-за присущих последнему внутренних противоречий. Несмотря на свое идеологическое оформление “*коммунистическое (советское) государство*” являлось необходимым и логически оправданным звеном в эволюции российской государственности.

Сегодня, когда коммунистическое государство в России стало историей, пессимисты и оптимисты разделились оригинальным образом. Оптимисты говорят о рождении российского государства, а пессимисты – о смерти российской государственности. Первые начинают исторический отсчет времени с августа 1991 г. Вторые заканчивают его октябрём 1917 г. Между октябрём 1917 г. и августом 1991 г. лежит *нечто*, то есть то самое коммунистическое, или советское, государство, одинаково неприятное как оптимистам, так и пессимистам (одним – как жутковатое предисловие, другим – как омерзительное заключение).

В действительности российское государство не начинается августом 1991 г., а российская государственность не заканчивается октябрём 1917 г. Российское государство есть итог развития российской государственности. Коммунистическое, или советское, государство – необходимое звено в этом процессе. Корни российского государства запятаны глубоко в имперской и доимперской эпохах, и сегодняшнее государство – это крона, выросшая из Московского царства и Петровской империи. Так называемое тоталитарное государство было всего лишь стволом, связывавшим корни и крону.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Гегель Г. Философия истории. М., 1993.
Кавелин К.Д. Мысли и заметки по русской истории // Кавелин К.Д. Наш умственный строй. Статьи по философии русской истории и культуры. М., 1989.
Лаппо-Данилевский А.С. Идея государства и главные моменты ее развития в России со времени Смуты и до эпохи преобразований // ПОЛИС. 1994. № 1.
Соловьев С.М. Чтения и рассказы по истории России. М., 1989.
Тютчев Ф.И. Стихотворения. Письма. М., 1986.